

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

ТЕНЬ

Ганс Христиан Андерсен

Тень

«Public Domain»

1847

Андерсен Г.

Тень / Г. Андерсен — «Public Domain», 1847

«Вот уж где жжёт солнце – так это в жарких странах! Люди загорают там до того, что становятся краснокожими, а в самых жарких странах – чёрными, как негры. Но мы поговорим пока только о жарких странах; сюда приехал из холодных стран один учёный. Он было думал и тут бегать по городу, как у себя на родине, да скоро отучился от этого и, как все благоразумные люди, стал сидеть весь день дома с плотно закрытыми ставнями и дверями. Можно было подумать, что весь дом спит или что никого нет дома. Узкая улица, застроенная высокими домами, жарилась на солнце с утра до вечера; просто сил никаких не было терпеть эту жару! Учёному, приехавшему из холодных стран, – он был человек умный и молодой ещё, – казалось, будто он сидит в раскалённой печке. Жара сильно влияла на его здоровье; он исхудал, и даже тень его как-то вся съёжилась, стала куда меньше, чем была в холодных странах; жара повлияла на неё. Оба они – и учёный и тень – оживали только с наступлением вечера...»

Ганс Христиан Андерсен

Тень

Вот уж где жжёт солнце – так это в жарких странах! Люди загорают там до того, что становятся краснокожими, а в самых жарких странах – чёрными, как негры. Но мы поговорим пока только о жарких странах; сюда приехал из холодных стран один учёный. Он было думал и тут бегать по городу, как у себя на родине, да скоро отучился от этого и, как все благоразумные люди, стал сидеть весь день дома с плотно закрытыми ставнями и дверями. Можно было подумать, что весь дом спит или что никого нет дома. Узкая улица, застроенная высокими домами, жарилась на солнце с утра до вечера; просто сил никаких не было терпеть эту жару! Учёному, приехавшему из холодных стран, – он был человек умный и молодой ещё, – казалось, будто он сидит в раскалённой печке. Жара сильно влияла на его здоровье; он исхудал, и даже тень его как-то вся съёжилась, стала куда меньше, чем была в холодных странах; жара повлияла на неё. Оба они – и учёный и тень – оживали только с наступлением вечера.

И, право, любо было посмотреть на них! Как только в комнату вносили свечи, тень растягивалась во всю стену, захватывала даже часть потолка – ей ведь надо было потянуться хорошенько, чтобы расправить члены и вновь набрать сил. Учёный выходил на балкон и тоже потягивался, чтобы поразмяться, любовался ясным вечерним небом, в котором зажигались золотые звёздочки, и чувствовал, что вновь возрождается к жизни. На всех других балконах – а в жарких странах перед каждым окном балкон – тоже виднелись люди; дышать воздухом всё же необходимо – даже тем, кого солнце сделало краснокожим. Оживление царило и внизу, на тротуарах улицы, и вверху, на балконах. Башмачники, портные и другой рабочий люд – все высыпали на улицу, выносили туда столы и стулья и зажигали свечи. Жизнь закипала всюду; улицы освещались тысячами огней, люди – кто пел, кто разговаривал с соседом, по тротуарам двигалась масса гуляющих, по мостовой катились экипажи, тут пробирались, позванивая колокольчиками, вьючные ослы, там тянулась, с пением псалмов, похоронная процессия, слышался треск хлопушек, бросаемых о мостовую уличными мальчишками, раздавался звон колоколов... Да, жизнь так и била ключом повсюду! Тихо было лишь в одном доме, стоявшем как раз напротив того, где жил учёный. Дом не был, однако, нежилым: на балконе красовались чудесные цветы; без поливки они не могли бы цвести так пышно, кто-нибудь да поливал их – стало быть, в доме кто-то жил. Выходившая на балкон дверь тоже отворялась по вечерам, но в самих комнатах было всегда темно, по крайней мере в первой. Из задних же комнат слышалась музыка. Учёный находил её дивно-прекрасною, но ведь может статься, что ему это только так казалось: по его мнению, здесь, в жарких странах, всё было прекрасно; одна беда – солнце! Хозяин дома, где жил учёный, сказал, что и он не знает, кто живёт в соседнем доме: там никогда не показывалось ни единой живой души; что же до музыки, то он находил её страшно скучною.

– Словно кто сидит и долбит всё одну и ту же пьесу. Дело не идёт на лад; а он продолжает, дескать, – «добьюсь своего!» Напрасно, однако, старается, ничего не выходит!

Раз ночью учёный проснулся; дверь на балкон стояла отворённою, и ветер распахнул портьеры; учёный взглянул на противоположный дом, и ему показалось, что балкон озарён каким-то диковинным сиянием; цветы горели чудными разноцветными огнями, а между цветами стояла стройная, прелестная девушка, тоже, казалось, окружённая сиянием. Весь этот блеск и свет так и резнул широко раскрытые со сна глаза учёного. Он вскочил и тихонько подошёл к двери, но девушка уже исчезла, блеск и свет – тоже. Цветы больше не горели огнями, а стояли себе преспокойно, как всегда. Дверь из передней комнаты на балкон была полуотворена, и из глубины дома неслись нежные, чарующие звуки музыки, которые хоть кого могли унести в царство сладких грёз и мечтаний!..

Всё это было похоже на какое-то колдовство! Кто же там жил? Где, собственно, был вход в дом? Весь нижний этаж был занят магазинами – не через них же постоянно ходили жильцы!

Однажды вечером учёный сидел на своём балконе; в комнате позади него горела свечка, и вполне естественно, что тень его расположилась на стене противоположного дома; она даже поместилась на самом балконе, как раз между цветами; стоило шевельнуться учёному – шевелилась и тень, – это она умеет.

– Право, моя тень – единственное видимое существо в том доме! – сказал учёный. – Ишь, как славно уселась между цветами! А дверь-то ведь полуотворена; вот бы тени догадаться войти туда, высмотреть всё, потом вернуться и рассказать обо всём мне! Да, следовало бы и тебе быть полезною! – сказал он шутя и затем добавил: – Ну-с, не угодно ли пойти туда? Ну? Идёшь? – И он кивнул своей тени головой, тень тоже ответила кивком. – Ну и ступай! Только смотри не пропади там!

С этими словами учёный встал, тень его, сидевшая на противоположном балконе, – тоже; учёный повернулся – повернулась и тень, и если бы кто-нибудь внимательно наблюдал за ними в это время, то увидел бы, как тень скользнула в полуотворённую балконную дверь загадочного дома, когда учёный ушёл с балкона в комнату и задвинул за собою портьеру.

Утром учёный пошёл в кондитерскую выпить кофе и почитать газеты.

– Что это значит? – сказал он, выйдя на солнце. – У меня нет тени! Так она в самом деле ушла вчера вечером и не вернулась? Довольно-таки неприятная история!

И он рассердился, не столько потому, что тень ушла, сколько потому, что вспомнил известную историю о человеке без тени, которую знали все и каждый на его родине, в холодных странах: вернись он теперь туда и расскажи свою историю, все сказали бы, что он пустился подражать другим, а он вовсе в этом не нуждался. Поэтому он решил даже не заикаться о происшествии с тенью и умно сделал.

Вечером он опять вышел на балкон и поставил свечку позади себя, зная, что тень всегда старается загородиться от света своим господином; выманить этим маневром тень ему, однако, не удалось. Он и сидел и выпрямлялся во весь рост – тень всё не являлась. Он задумчиво хмыкнул, но и это не помогло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.